

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Директор театра на Малой Бронной Илья Коган (слева) и его нынешний главный режиссер Андрей Житинкин

Вперед и вниз

Новое лицо Театра на Малой Бронной

Во времена оны студенты театральных вузов просачивались на Малую Бронную через все щели. Особой популярностью пользовался пожарный выход — иногда он был полуоткрыт, и через него можно было пробраться прямо в зрительный зал. А временами происходило чудо — к служебному входу подъезжали «Жигули», из них выходил улыбающийся Эфрос. Надо было подойти к нему и попроситься на прогон — нахалы проходили мимо вахтерши рядом с Анатолием Васильевичем.

Известия. — 24.11.1995. — С. 10

Алексей ФИЛИППОВ

Старожилы Бронной вспоминают эти времена с ностальгией: вы помните, как на одной из премьер толпа высадила стеклянную дверь и вошла в вестибюль, неся пред собой билетершу? Ничего подобного нет уже очень давно — Бронная стала театральной периферией.

В лучшие времена этого театра с ним связывали три имени. Возглавлял его Александр Леонидович Дунаев, добрый человек и ровный профессионал. Лицом и душой Бронной был гениальный и недипломатичный Анатолий Васильевич Эфрос. А директорствовал здесь Илья Аронович Коган, обаятельный, искушенный, мудрый, пользовавшийся большой любовью труппы. Директор умел выбивать квартиры и почетные звания. К тому же он был чрезвычайно мил — большинство тех, кто пользовался влиянием в труппе, считали себя его друзьями.

Дунаев царствовал, Эфрос был звездой, Коган правил — а затем все рассыпалось, словно карточный домик. Об этой старой театральной Москве живо обсуждала вывешивавшиеся дирекцией бумаги — в них скрупулезно подсчитывались не дождавшиеся конца эфросовских спектаклей зрители. Потом в театре не стало и Дунаева.

История отношения Эфроса и Бронной, Эфроса и вдруг оказавшихся его врагами учеников очень непроста. Его отношения с директором тоже неоднозначны: можно предположить, что последний — и лучший — из поставленных Эфросом на Бронной спектаклей в какой-то мере автобиографичен. Он назывался «Директор театра» и рассказывал об идеальном директоре, ставшем верной (хоть иногда и бунтующей) тенью блестящего режиссера. Илья Аронович Коган — один из лучших театральных директоров страны. Эфрос наверняка знал ему цену, и в герос Леонида Броневого были воплощены многие черты реального человека. Но тень последовала примеру персонажа пьесы Шварца — она решила стать главной, и в результате Театр на Малой Бронной оказался местом эксперимента. Илья Аронович правил им твердой рукой, из режиссерского он превратился в директорский — главный режиссер оказался подчиненным менеджером.

Директор сделал все, чтобы театр не возглавил амбициозный и волевой человек. Сергей Женовач был одарен и мягок — он стал главным, но директора не устроила его репертуарная линия, то, что Женовач не хотел делать театру кассу. Финансовые показатели и в самом деле очень важны — Женовач ушел, и на Бронной окончательно установилась директорская эра.

Со стороны казалось, что театр покрывал пылью, съезжился и посерел. На Бронной ставили режиссеры второго ряда, в зале

сидели пенсионерки, театральные критики забыли сюда дорогу (но финансовые показатели, судя по всему, были неплохими). Поражало то, что происходило с работавшими в спектаклях Эфроса артистами, — все, к чему он прикасался, превращалось в золото, даже не очень одаренные люди у него играли хорошо. А при директорском правлении Бронная стремительно покати-лась вниз — уровень игры падал, работы имевших хорошую репутацию актеров напоминали о самодельности. И тогда директор попросил у доброй феи палочку-выручалочку: на место главного режиссера (художественного руководителя, обладающего всей полнотой власти, на Бронной по-прежнему нет) был приглашен самый кассовый московский постановщик, плодовитый мастер эротической режиссуры Андрей Житинкин.

Опытный, ладивший с гор-комом партии, умеющий пройти сквозь игольное ушко директор начал работать с нежным постперестроечным растением, пылко влюбленным в гламурную, отдающую эстетикой лаковых журналов, попахивающую парфюмом красоту. Во время оно у Андрея Житинкина случались и глубокие, тонкие спектакли, но потом он поставил на кассовый успех и перестал проходить по ведомству серьезной режиссуры.

Он режиссер божьей милостью: форму спектакля Житинкин ощущает как никто другой, у него есть и острое ощущение конъюнктуры, и хватка, и умение работать с актерами. Но его мастерство не одухотворено — он ставит затем, чтобы ему хлоп-пали, использованные ради этого приемы оказываются все банальней. Зрителя надо удивить — и житинкинский Дориан Грей голубеет, а героиня последнего спектакля мастера, inferнальная Лулу, показывает залу то ножку, то спинку, то обтянутую телесным трихо попку. Анну Каренину Житинкин обещает сделать морфинисткой — во всем этом есть какая-то трогательная, детская наивность. Вступивший в пору полового созревания ребенок сидит на уроке и тайком показывает одноклассникам «Обнаженную цыганку» Гойи, выдавая ее за неприличную картинку, — девочки краснеют, мальчики смотрят на него снизу вверх. Когда житинкинские спектакли были рассыпаны по многим театрам, они казались репертуарным курьезом — теперь курьезом оказалась Бронная. От прежнего, легендарного театра оставалось только имя, но приходит конец и ему.

Бронная становится первой московской стационарной антрепризой — организационно это по-прежнему репертуарный театр, но эстетика его премьер больше не отличается от продукции продюсерских компаний. Когда-то директор защищал своих актеров от людей со стороны, которых Эфрос приглашал на роли. Потом спасал Бронную от плевавшего на кассу, не работавшего со старожилами труппы Женовача. Наконец, сделал ставку на молодого, энергичного, кассового Житинкина. Он посвятил этому театру жизнь. И удушил его в своих объятиях.